

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Николай ЗАЙЦЕВ
Евгений КОЛОБОВ

ПЛАСТУНЫ

ЗОЛОТО ПЛЕВНЫ
ЗОЛОТО СЕРБИИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-17

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Зайцев, Николай Владимирович
Колобов, Евгений Витальевич

З-17 Пластуны: Золото Плевны. Золото Сербии :
сборник / Николай Зайцев, Евгений Колобов. — Мо-
сква: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2023. — 384 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-158119-0

Русско-турецкая война. Русский корпус, брошенный всеми, заперт на перевале Шипка. В боевых условиях человеческие отношения между солдатами и офицерами становятся на вес золота. Поручик артиллерии граф Суздаев и казачий сотник Билый воспитывались по-разному, но представления о чести и морали у них общие — верность долгу и любовь к Родине для них не пустые слова. Фронтальная дружба крепнет, когда товарищи оказываются в глубоком турецком тылу, где, проходя через все испытания, офицерам предстоит сохранить верность принципам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Николай Зайцев, 2023
© Евгений Колобов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-158119-0

ЗОЛОТО ПЛЕВНЫ

1. Шашка

Земля дышала, нагретая дневным солнцем, исходя жаром.

Осязаемый воздух играл столбом мелких частиц на уровне пыльных сапог и с готовностью распадался от каждого нового порыва ветра или быстрого движения солдат на батарее. Ветер дул в спину, и дым от наших залпов на время закрыл поле нашего последнего боя. Вместо привычных запахов войны на позиции остро запахло горькой пылью и неизвестными цветами, кажется, последние летние отголоски. Даже растения торопятся перед длинной зимой, цвеля каждый день ранней осени. Я запрыгнул на темную от времени перевернутую бочку, вытер обильный пот на лице, размазывая черную копоть по выбритой коже, и сощурился от слепящего послеполуденного солнца. Достал из портсигара ароматную турецкую папиросу. Закурил.

С турецкой батареей покончено.

Как и не было ее.

Второй день нас преследовали по пятам. Не давая расслабиться и угрожая полной расправой и уничтожением — в плен турки брали только старших офицеров.

В первой волне погони, преследующей отступающий шеститысячный русский корпус*, шли турецкие резервисты**. Самоуверенные и наглые пехотинцы раньше служи-

* Корпус — общевойсковое соединение. Может состоять из дивизий, полков, как пехотных, так кавалерийских. Также к корпусу могут быть прикомандированы артиллерийские парки.

** Резервисты — ополчение.

ли в турецкой армии и не знали, что наши новые пушки дальнобойнее турецких почти на версту.

Моя трехпушечная батарея, оставленная в арьергарде* прикрыть отход потрепанного корпуса, накрыла противника, когда они только начали разворачиваться в боевой порядок. Один картечный залп разогнал наступающую пехоту, и я всецело сосредоточился на уничтожении турецких пушек.

Сейчас главное — выиграть время, каждый час бесценен. Наши закрепятся на самой высокой горе, перекроют Шипкинский перевал, и без артиллерии их выковырять будет затруднительно. Конечно, в сорокатысячной турецкой Третьей армии найдутся еще орудия, но эти уже стрелять не будут. Уничтожены вчистую. Последний залп получился очень удачным и тянул на Георгиевскую медаль** для наводчика. Граната попала в повозку с огневым припасом. Громыкнуло громом, и в небо взметнулось огненное облако, слепя глаза. В секунду часть гранат взорвалась сразу, уничтожив всех, кто оказался в пятидесятиметровом смертельном диаметре. Остальные снаряды разлетелись в разные стороны, калеча и убивая и так мечущихся пехотинцев. Поднялась паника.

Для нас появилась короткая передышка. Теперь нужно продержаться как можно дольше, продать свою жизнь как можно дороже. Батарейцы понимали, что тяжелые пушки в горы не затащишь, но когда, расставляя орудия, увидели, как наших лошадей уводят вместе с уходящими силами, дружно закрестились, зашептали оборонительные молитвы.

— Шрапнельной гранатой, заряжай, трубка первая!

Первая — самая короткая, чистим пространство перед позицией батареи.

Через пороховой дым, окрашенный заходящим солнцем в разные оттенки красного, тяжело рассмотреть, куда стреляешь. Когда дым рассеивается, солнце слепит глаза,

* Арьергард — тыловая охрана, термин, означающий в военном деле войска прикрытия.

** Георгиевская медаль — медаль «За храбрость», учреждена в 1807-м.

снова, промаргивая едкий пот, щурюсь и холодею, видя близкую опасность. Увлечся уничтожением чужой батареи, обрадовался удачным выстрелам и не заметил скрытый маневр противника: побежавшая было пехота внезапно оказалась гораздо ближе к нашему наскоро сделанному редуту. Турки наступали со стороны заходящего солнца, и я не сразу разглядел бунчуки пехоты низам. Куда подевались резервисты со своими малообразованными офицерами? На смену им появилась кадровая турецкая регулярная пехота, обученная пруссаками, опасная в своей ярости и известная жестокостью атак. Только там лучшие офицеры, которые выучены и прошли муштру на зависть многим колониальным армиям.

— Поторопись, голубчики! — стараюсь крикнуть как можно бодрее, не выказывая тревоги. От интонации моего голоса зависит быстрота действий. Пушкари по сторонам не смотрят — своих дел хватает. Движения быстры, четки, лишены суеты. Столь многократно повторенные, что можно залюбоваться. Дождавшись трех докладов о готовности вместо привычных шести — три орудия потеряли в прежних боях, командую:

— Батарея, пли!

Три черных облачка раскрываются на фоне солнца.

— Довернуть три деления влево, шрапнельным, заряджай!

Много чужих солдат. Не смотрят по сторонам, не оглядываются, головами не вертят. Все в порыве и чуть ли не летят над землей, стремительно струятся к нам темной нереальной волной, понимая, чем быстрее добегут, тем больше шансов не попасть под залп.

— Барин!

Знакомый голос отвлекает, хмурясь, смотрю вниз. Верный Прохор, мой вечный нянька по жизни, дергает за полу сюртука. Смотрит испуганно то на меня, то на приближающуюся пехоту. Глаза стекленеют — понял, он же опытный солдат, губы трясутся, но справляется со страхом:

— Барин, Христом Богом, наденьте. — В руках дядька держит белую папаху. Кристальная белизна овчины отрезвляет.

Мне становится жалко старика, быстро принимаю решение:

— Вестовой*, слушай мою команду! После залпа возьмешь оружейный замок. Со старшим фейерверкером к нашим. Постарайся уцелеть. Прошу тебя, старик, беги. Командованию расскажешь про батарею, ну и сам знаешь еще кому, если выживешь.

— Ваше благородие, Иван Матвеевич! Мне уходить от вас никак нельзя.

— Пускай душа твоя останется со мной, а сам руки в ноги — и в штаб или к первым офицерам. Выполнять!

— Надень, барин.

Проخور грохочет на колени, рыдает, но папаху держит в поднятой руке. Что за блажь?! Впрочем, папаха защитит лучше фуражки. Надеваю, коротко киваю дядьке, заставляя начать двигаться под взглядом, и отпускаю, теряя из вида.

— Батарея, пли!

Орудия содрогаются в последний раз.

— Орудийные замки** снять. Взводный командир, ко мне! Старший фейерверкер*** Гулый с ординарцем, доставить замки полковнику. Разбирай, братцы, оружие, готовься к рукопашной, — говорю как-то устало и буднично. — Простите, братцы, коль что не так было. — Отбросил ненужную фуражку, поклонился и перекрестился на две стороны.

— И ты нас, ваш бродь, прости. С нами Бог! — закричали наперебой пушкари и стали, примеряясь кто к баннику, кто к кривому артиллерийскому кинжалу бобуту****. А бомбандир Сидоров, скоро организовавшись, с двумя

* Вестовой — рядовой, назначавшийся к командиру для выполнения поручений, главным образом для связи и передачи приказаний.

** Орудийный замок — смысл в том, что пушка без него стрелять не будет.

*** Старший фейерверкер — фейерверкеры артиллерии были основательно подготовлены и теоретически, и в особенности практически для исполнения обязанностей непосредственного начальника орудия и для замещения взводного командира.

**** Бобут — кавказский кинжал, авторский ляп, шашки были у артиллеристов того времени.

десятками канониров уже начал стрелять из карабина Бердана*.

— Ваше благородие! — Старший фейерверкер Гулый стоял навытяжку. У ног мешок с замками. — Дозвольте остаться. Кого помоложе пошлите. Я-то пожил.

— Кому ж я замки могу доверить? Тебя, Гулый, сколько лет учили, а теперь нового некогда учить, видишь, голубчик, как вышло. Один замок Прохору — и бегом, родненькие, пока можно. Выполнять, живо!

Ну что ж. Умирать так умирать.

Побольше бы с собой прихватить. Одна мысль. Сноровка есть, лишь бы шальная пуля не нашла. Шевельнулась слабая надежда на казачью полусотню, спрятанную в балочке. Но нет, не успеют лихие рубаки. Раньше им нужно было отвлекать. Изменить положение ввиду малочисленности они не могли, но была надежда, что за маневром казаков мы сможем отойти.

— Эх, мать божья, царица небесная, спаси и сохрани. Ангел-хранитель, не оплошай, проследи, чтоб там попал куда положено, если и грешил, то смертью своей в чужой земле должен перекрыть все свои беззакония, — губы зашептали молитву. Спрыгнул с бочки, вынул из кармана горсть патронов, вытащил из кобуры свой смит-вессон**. Только привыкать начал к новому оружию, до этого револьвер Кольта был. Но новый оказался лучше, надежнее и бил точнее. Шесть заряженных смертей? Пять? Допускаю, что разок промахнусь. Больше не могу себе позволить. Справа над насыпью обваловки ненавистой брусничкой показался бунчук.

— Один, — сказал я, глядя, как брусничным соком брызнуло из-под чалмы. Солдат выронил османский штандарт — бунчук упал на нашу сторону, зарываясь кон-

* Карабин Бердана — однозарядная винтовка под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, состоявшая на вооружении в Российской империи в конце XIX века.

** Револьвер Смит-Вессон — в 1871 году в русской армии были введены револьверы Смита-Вессона образца 1869 года, официально именовавшиеся 4,2-линейным револьвером системы Смит-Вессона. Это была весьма совершенная для тех лет модель.

ским хвостом в пропитанный кровью песок. На верхнем конце древка тускло блеснул полумесяц. Затоптали.

Два, три, четыре, промазал, пять. Левым большим пальцем сдвинул замок вверху револьвера. Он переломился, как охотничье ружье, выбрасывая стреляные гильзы. Спокойно, поручик, не трясой рукой, шесть новых смертей на боевом взводе. Теперь крутись как черт, со всех сторон рубка. Перезарядить больше не дадут.

— Шесть!

Турки валят со всех сторон, стреляя из американских ружей с искривленными, как у ятаганов, лезвиями штыков. Телами завалена вся позиция. Раненые стонут и кричат, хватаясь за живых. Ползают в поисках укрытия. Проклинают на русском и турецком. Смешались языки. Стерлись границы. Вокруг понятные слова.

С двух сторон набегают неприятели со штыками, нацеленными в мой живот. Кричат, брызгая слюной. Их ненависть подхлестывает рефлекс. Левого сваливаю выстрелом в грудь.

— Семь, — кричу сам себе, падаю в его сторону, разворачиваясь, и понимаю — не успею.

Понимает это и неприятельский солдат. В глазах вспыхивает адское пламя, кривая усмешка перекашивает рот. Торжествует. Почувствовал победу. Словно Турция победила Россию, и нами решился исход великой битвы. Радует. Вдруг у турка появляется аккуратная дырочка под глазом. Его винтовка по инерции летит в меня и втыкается в то место где я только что лежал. Пехотинец как подкошенный валится сном. Как так получилось? Кто стреляет?

— Молодец! — хвалю я сам себя. — Откатился вовемя. Пока неплохо получается.

Встаю на колено.

— Восемь, девять, — револьвер дергается в руке. Распрямляюсь и поднимаюсь в полный рост. На ногах.

— Десять.

Турки лезут только справа. Казаки все-таки сработали. Кричу:

— Отходим, братцы!

Только мало кто слышит — бой рассыпался на части. Какие-то взвившиеся кучки. Шагах в пятнадцати двое ба-

тарейцев работали как английская машина. Один банником сбивал в сторону винтовки, второй кривым бебутом как серпом подрезал переднюю ногу атакующего под коленом. Шаг назад, очередной турок верещит, катаясь по земле, мешая своим сотоварищам. Стреляю в того, кто сзади к ним крадется.

— Одиннадцать, — успокаиваю и этого хитрого турка. Патронов больше нет. Курок щелкает вхолостую.

Револьвер смит-вессон летит в голову набегающего турка. Шашку вон, не успеваю замахнуться, два турка поймали по пуле. Выстрелов не слышно, кто же это так ловко стреляет? Ладно, жив буду — разберусь. Пока мне удача. Шашку в ножны. Быстро подбираю винтовку супостата. Краем глаза успеваю заметить, что в руках турецкий вариант пибоди-мартини, незначительно отличавшийся от английского прототипа устройством затвора, патрона, размерами штыка. На ствольной коробке выбит тугру султана Османской империи — знак с обозначением его имени и титула. Дальше счет на секунды. Легким, почти незаметным движением отбиваю нацеленный в грудь штык. Тут же левая нога вперед и в сторону, и всаживаю свой штык под верхнюю пуговку басурманского мундира.

Двенадцать.

Сколько же вас!

Слишком сильно отбив вправо, трачу бесценное время и снова колю под пуговку.

Тринадцать.

Один за другим еще двое валятся от неизвестных стрелков. Заметив непонятное оживление или обратив внимание на крики солдат, ко мне направляется офицер на лошади. Тут не разгонишься, а конных только необстрелянные боятся. Винтовку наперевес. Два шага влево, два вправо, пусть думает, что тоже боюсь. Дядька-наставник на юнкерском училище на всю жизнь вбил порядок действий в строю и один на один. Шашечкой своей захватывается, ему бы коня остановить и боком развернуть. Тогда, правда, тянуться нужно будет, чтоб достать, а он грудью конской сбить меня решил, вот туда и штык, приклад в землю упереть. Жду, в какую сторону он завалится. Влево. Вправо вперед, чтоб между лошадиных копыт

оказаться. Теперь шашка в дело. Вырывая шашку из ножен, продолжаю движение, режу по уходящей за падающую лошадь ногу, чуть выше сапога. Рана не смертельная, однако теперь офицер мне не соперник. Мой клинок вверху, наступаю на лошадиный бок, жалко лошадку, опускаю стальную полосу. Метил под ухо, ниже чалмы. Басурманин вскинул руку в попытке защититься, перерубил руку, рассек лицо, пришлось еще уколоть над воротником. А шашка у иноверца хороша! Поменяемся, Мусса? Или Исса, или как там тебя звали.

Четырнадцать.

Подобрал оружие. Ухватистая шашка в такой свалке сподручней. Огляделся. На позиции осталось две активные кучки. Два десятка батарейцев бежали в гору, в сторону наших. С той стороны сверкнули две вспышки, сзади предсмертный хрип, еще два трупя. Из-за валуна, метров триста выше, поднялась фигура в черкеске. Заливистый свист и крик:

— Поручик! Господин поручик, сюда.

Погодите, ребята. Из кобуры поверженного вынимаю такой же смит-вессон, как у меня был. Модель только немного другая. Расчетливо разряжаю в ближайшую кучку. С каким-то особым удовольствием.

Двадцать.

Из распавшейся свалки тел выскочил до самых бровей залитый своей и чужой кровью мой фейерверкер второго орудия. Улыбается, не веря в чудо.

— Бежим в гору, — кричу ему. Солдат благодарно хрипит и кивает, что понял.

Нас не преследовали. Лениво постреливали. Мазали. Я держал к камню, откуда кричал казак. Сердце лихорадочно застучало, ожидая встречу. Слишком таинственным казался меткий стрелок.

Казачков было двое. Лошадей они уложили за камни на время своей засады. Запрыгнув в седла, крикнули, чтобы мы хватались за стремя. Бежать, когда тебя тащит прекрасное ухоженное животное, легко. Приноровись к лошадиному ходу и только ноги поднимай.

— Прости, ваше благородие, седло не предлагаю, конь тебя не подпустит, а времени в обрез. Дядька ваш нас на-

нял оборонить, золотом обещал расплатиться. Давай до тех куширь*.

— Погоди, дай отдышаться, да и солдатика моего перевязать нужно.

Турок мы видим, конных у них нет. Погоня не грозит. Казаки спешились, один занялся фейерверкером. А я хорошо их рассмотрел. Прекрасные лошади, отличное оружие и латанные-перелатанные обтрепанные черкески. На ногах какие-то чуни из свиной кожи щетиной наружу, столетние папахи. Пластуны!** О ловкости и меткости этих людей в армии сказки рассказывали. Каждый командир хотел заполучить под свою команду как можно больше казачьих частей, хотя командовать ими было сложно. О дисциплине не шло и речи. Можно было только ставить задачу и хвалить за выполнение. В казачьи части приходили добровольно кубанские пластуны. Они не подчинялись никому — ни армейским офицерам, ни своим сотникам и атаманам. В казачьей сотне на войне находились от пяти до десяти пластунов. Если боевая задача была трудна для казаков, обращались с просьбой к пластунам. Эти ребята обязательно придумывали какую-нибудь гадость для противника. Отравить или угнать табун лошадей и оставить неприятельское войско без лошадей перед наступлением. Застрелить в глубоком тылу вражеского генерала и раствориться без следов. Во время боя несколько пластунов занимали позиции, с которых без промахов отстреливали командиров или вражьих артиллеристов. Воевали не только дерзко, но и еще с издевкой над врагом. Днем пели песни под мандолину, занимались своим оружием и лошадьми, а по ночам вырезали турецкие караулы, перед уходом поднимая панику среди турок. Один раз приволокли с полтора десятка вражеских мундиров, вывешенных для просушки. Другой — котел с почти готовой кашей. Это не для урона, для куражу.

* Кушири — труднопроходимые, заросшие кусты.

** Пластуны — казаки, привыкшие к пограничной службе сызмальства, лучшие стрелки, выносливые люди, часто непрезентабельной, малозаметной внешности, способные целые дни проводить в тяжелых условиях. Аналог современных подразделений специального назначения.

— Так что тебе дядька обещал?

— Перстнем золотым прельстил.

Откуда у Прохора перстень, интересно.

— Может, это подойдет. — Из кармана достал золотой портсигар — подарок отца в день получения офицерских эполет.

— Он только с надписью.

Казак взвесил на ладони массивный прямоугольник.

— Не жалко? Видать, дареный.

— Отец с рождением русского офицера поздравлял, а сегодня я как заново народился.

— Отец жив?

— Два года как... — Мы вместе перекрестились.

— Тогда не возьму. Беречь такие подарки полагается, память об отце священна. Ты, поручик, уразумей, не за золото мы пошли. Богатство — это не для нас. Не каждый холоп так за своего барина просит. Интересно стало! Да и ты не плошал: один был в белой папахе, вертелся чертом, геройствовал, терял тебя не раз. Рад, что вышел из рубки целым. Вот папаху твою взял бы! Где она?

— Нет. Утерял, — растерянно пробормотал я.

Пластун усмехнулся в усы, но вернуться не предложил. Я посмотрел на его поношенный головной убор.

— А давай так: я у тебя папаху куплю — и нравится мне она, и память о тебе будет. Да и не гоже мне, офицеру, без головного убора, не ровен час на доклад вызовут.

И я вытащил все ассигнации, которые были в кармане, и протянул довольному казаку.

— На память, ваш бродь, я тебе утерянную добуду, а пока носи, — снял свою и протянул.

2. Сатисфакция*

— Барин, Иван Матвеевич. Живой! — Прохор не столько сбегал вниз, сколько старался не набрать скорость.

* Сатисфакция — удовлетворение за оскорбление чести и достоинства, осуществляемое в виде поединка, дуэли.

— Змейкой, змейкой беги. Держи на молодые раины*, ишь, как тянутся среди каменок, — крикнул ему казак. — А то до Плевны не остановишься.

Старик скользил по жухлой траве, путался в корнях сухого бурьяна, готовый упасть и сломать себе шею. Каждый раз я не выдерживал, прикрывал глаза и морщился, открывая их с неохотой, медленнее, чем полагалось. Обошлось. Молодой казак, стоявший рядом, одобрительно засмеялся и покрутил головой, восхищаясь чужой прыткости, не свойственной для столь почтенного возраста. На последних метрах солдатское кепи слетело с головы дядьки, когда тело изогнулось под немислимой дугой. И головной убор уже он водрузил на седые кудри в колючих фиолетовых репьях**. Верный слуга прижался к груди. Горло стиснула спазма.

— Зачем же ты бежал, как Буцефал двуногий, мы же сейчас подниматься начнем, — как можно ласковее спросил я, пытаясь отодрать с грубого сукна кепи первый репейник. Глупая затея не удалась. Цветок упирался всеми колючками, и материя трещала. Оставил так. Какая-никакая маскировка.

— Терпеть мочи не было. — Глаза старика были полны слез, губы тряслись. — Цел ли, батюшка, не ранен?

— Не кручинься, Прохор. Самым замечательным случаем цел. Вот казаки сильно выручили. Без них ни за что не выбрался бы.

— Не преувеличивай, ваше бродь, — казак отмахнулся от крылатого насекомого, отгоняя божью тварь от носа своего. — Ты и сам, поручик, скор и как вьюн крутился. Видел я. Оценил. Однако теперь расходятся наши дороги на этом месте. Дальше сам доберешься. Нас товарищи вечерять зовут.

Оглядевшись по сторонам, ничего не заметил, где со товарищи казака и куда они его на обед приглашают. Стало интересно, словно ребус решаю.

— Ты не головой верти, кулеш носом чують треба! — подсказал служивый, показывая, как надо правильно дышать носом: шумно и морщить посильнее.

* Молодые раины — пирамидальные тополя.

** Репей — имеет колючие или цепляющиеся соплодия.